

Субъекты будущего

Сергей Переслегин

физик, писатель,
директор Санкт-Петербургской
школы сценарирования,
Санкт-Петербург
Q3cashalot@mail.ru

— Сергей Борисович, как развитие Интернета в широком смысле слова будет влиять на трансформацию российского общества в ближней перспективе? В качестве частной проблемы этого будущего можно выделить тенденцию к формированию того, что называется digital gap — «цифровое неравенство». В современном обществе в России уже сложилась особая группа людей — тех, чья жизнь полностью связана с реализацией возможностей, предоставляемых Интернетом. И в то же время, значительная часть населения страны оказывается вне новых возможностей, не пользуется этими ресурсами. Эти две крайние группы населения живут в разных социальных и культурных мирах.

— Минутку, а что именно меняется, на ваш взгляд, с появлением Интернета? В чём именно его новизна? Он делает неактуальными традиционные информационные институты, такие, например, как библиотеки. Несомненно, есть мелкие антропологические эффекты. Люди, проводящие много времени в Сети, т.е. за компьютером, не умеют писать. Значит, у них не развиты некоторые зоны мозга, связанные с этой моторикой. Но при этом они умеют ловко обращаться с клавиатурой, с мышкой — значит, развиты другие зоны.

Интернет в широком смысле слова, как вы его назвали, выделяет три категории людей. Большинство из них просто могут пользоваться Сетью, её ресурсами, использовать её в собственной деятельности. Иногда очень эффективно, иногда они решают минимизировать взаимодействие с сетью. Есть сообщества, связанные с Сетью настолько, что они немислимы вне этого коммуникативного пространства, и вы были правы, оговорившись, что для понимания их жизни и динамики невозможно оставаться в масштабах России — это как минимум Русский мир. Который сам по себе является довольно старой идеей, редко обсуждаемой сейчас, потому он предполагает другой тип экстерриториальной государственности и управления ею.

— Остаётся третья группа: те, кто вообще не связан с Интернетом, о ком не говорят в программах национального развития. И это — значительная доля населения страны, которую заинтересованные в развитии авторы вообще не замечают и не обсуждают.

— Эта группа действительно не важна. Вы даже не можете оценить её размер. Сколько в России IP адресов? Официальные цифры могут быть очень сильно занижены, у нас страна пиратов, так что люди стремительно выходят в Интернет, некоторые там остаются. По поводу же тех, кто этого не просто не делает, но и делать не намерен, могу только сказать, что их участь меня не интересует. Нам незачем обсуждать их участие в программах развития, потому что они никакого отношения к этим программам

Сергей Борисович Переслегин приехал в Новосибирск на международный инновационный форум «Интерра-2009», чтобы провести Форсайт-семинар. На семинаре обсуждалось будущее Новосибирской области. Будучи занятым подготовкой данного номера, я встретился с ним, чтобы поговорить о том, как на формирование будущего России может и должно повлиять развитие Интернета во всех возможных его формах. Однако разговор принял неожиданный для меня поворот¹. На взгляд Переслегина, развитие современных систем знания и связанных с ними современных систем коммуникаций, среди которых Интернет вовсе не занимает эксклюзивного положения, является настолько мощным фактором общественных изменений, что обсуждение будущего даже в среднесрочной перспективе обретает прямо-таки апокалиптический драматизм. В глобальных масштабах будет решаться вопрос о том, кто станет субъектом мирового развития в новой (информационной?) фазе.

¹ Благодарю председателя совета методологического бюро «СМАРТ-Концепт» (Новосибирск) Евгения Дубровина за содействие в организации этой беседы.

Субъекты будущего

иметь не могут. У них для этого нет необходимых возможностей.

Конечно, такие возможности должны быть предоставлены всем! Российское правительство должны поставить перед собой три задачи. Во-первых, WiFi и ей подобные системы беспроводного доступа должны покрывать всю территорию страны. Это не такое уж фантастическое решение. Маленький Маврикий, который заведомо беднее Российской Федерации, хотя и по площади, конечно, меньше, эту проблему решил. Вы имеете доступ в сеть в любой его точке. То же должно быть в России — и я не только про населённую часть страны говорю, но как минимум во всех населённых пунктах.

Если у человека нет возможности платить за доступ, ему эту возможность должно предоставить государство. Бесплатный доступ будет низкого качества. Пусть даже сначала так будет, однако этот выход в Сеть должен быть у всех. И у этой проблемы есть удачные решения. Скажем, Киргизия, страна с очень сложной социальной структурой, с традиционными семьями, вернула детей в школы. Родители там зачастую предпочитают, чтобы ребёнок не проводил время в школе, а помогал бы семье, например, на рынке. И вот теперь тем, кто посещает школы, раздают сотовые телефоны, да ещё и оплачивают связь! Это, как видите, также оказалось возможным. В Африке проблема доступа тоже постепенно решается для всего населения, а с появлением столларовых нетбуков достижение этой цели становится вполне уже представимым. Итак, каждый должен иметь возможность пользоваться Сетью, и если человек не пользуется этой возможностью, не в силу каких-то особенностей своего актуального выбора, а от лени или от страха научиться чему-то новому, он настолько серьёзно выпадает из развития, вообще из современной жизни, что у нас даже нет оснований считать его живым. Если сами люди не хотят становиться субъектами собственной жизни... Я полагаю, что обучение этому может быть и насильственным.

— Насильственная субъективация?

— А как в своё время человечество учили

читать? Скажем, директор школы, в которой появилось достаточное количество компьютеров, должен издать приказ: в месячный срок весь документооборот переводится в электронный вид, и те, кто не сделают этого, будут уволены. И они действительно должны быть уволены! Оставшиеся, те, кто, наконец, перестал переписывать все эти формы от руки или рыться в справочниках стандартов, оценят и скажут «спасибо» — если они сколько-либо вменяемы. Культура всегда вводится сверху путем насилия, и если мы преодолели барьер грамотности, теперь предстоит другой барьер, тот, о котором мы с вами и говорим.

Доступ в Интернет в школах — это отдельная тема, связанная уже с особенностями управления, а не с Интернетом или интернетизацией как таковыми. Вроде бы почти в каждой школе в России есть компьютеры, даже в маленьких сельских, и во многих школах их столько, что можно собрать вполне приличный вместимый класс Интернет-доступа. Но как именно этот класс организован? Чаще всего, это помещение с большой железной дверью, ключ от которой может быть даже только у директора, и школьник туда вне формата урока информатики попасть не может ни при каких условиях. Такое можно наблюдать в 90% школ. Компьютер до сих пор там эффективно используется только в бухгалтерии, и при этом лишь для простого документооборота. Впрочем, российские школьники начинают обзаводиться ноутбуками, и эти классы постепенно теряют значение. Но главное, что доступ к Сети должен быть везде, в любой школе, причём именно свободный доступ — бесплатный либо за символическую оплату, при этом должен платить не сам школьник.

Третье, что должно быть создано — это «электронное правительство», E-government. Есть удачный или неудачный местный и региональный опыт введения, но в масштабах страны пока «электронное правительство» не действует. Следующим шагом, конечно, станет голосование по Интернету. Кстати, такое голосование отсекает от политического процесса всю ту инертную массу,

о которой я сказал, и которую стараются втянуть в себя демократии, устроенные по традиционной модели. И приходят при этом к тупикам. Кроме того, это поможет устранить те безбрежные возможности для злоупотреблений, которые сейчас имеются — просто дальше идти уже куда — поскольку в Интернете возможности для махинаций практически исключены. Не будь этого, сейчас не было бы никаких электронных денежных счетов, банковских переводов и т.д., вы же понимаете, что всё это быстро бы разворовали.

При электронном голосовании у нас наконец-то появится возможность проведения референдумов. А это — фундаментальная демократическая процедура, пусть даже если мы говорим только о «старой», традиционной демократической модели, которая у нас сейчас пока ещё работает. Понимание возможностей применения сетевых средств для действенного «включения» привычных процедур наконец-то стало появляться. Региональные власти проходят путь от полного невладения компьютерной грамотностью, от непонимания того, как вообще это работает, к некоему неплохому уровню грамотности в этой сфере. У Дмитрия Медведева, кстати, вполне приличный блог, так что он «барьер сетевой неграмотности» давно преодолел.

— Этот барьер по-разному преодолевается и даже ощущается в разных населенных пунктах, в разных сообществах. Одно дело — обсуждать всеобщую компьютерную грамотность здесь, в «оцифрованном» Новосибирске, другое — в некой глухой сибирской деревне.

— Эта деревня останется такой до тех пор, пока туда не пришло государство. А сейчас государство возвращается даже в самые глухие места, оставленные им «в покое» в последние пятнадцать лет. И когда оно приходит, это расслоение наблюдается и там, причём даже в самой глухой деревне находятся те, кто может пользоваться новыми возможностями. Они и спутниковые тарелки быстро ставят на крыши.

Особенности нашей страны таковы, что разные города живут в разном времени. Москва живёт уже в 2012 году,

Субъекты будущего

Новосибирск — в 2007 (это просто означает, что вас кризис ещё столь сильно просто не коснулся). А вот город Борей в Забайкалье живёт в самом начале 1990-х. Если город живёт в прошлом, это значит, что он живёт в том времени, где Интернет ещё не изобретён. Но в таком далёком прошлом и многое другое ещё не случилось. Поэтому я, будучи в Бореи, говорил местным товарищам, что, как только у них начнётся хотя какое-то развитие, они войдут в «лихие девяностые» с их проявлениями вроде бандитских разборок. И к этому просто надо быть готовыми...

— Мне кажется, что такое «разновременье» имеет один важный и неприятный политический эффект. Часть активного населения нашей страны «переселилась» в социальные сети, т.е. для них вполне естественно представлять себе мир так, как представляют его себе люди, живущие с Интернетом. И они не способны, или не считают нужным попытаться представить себе действительные взгляды на жизнь и на этот мир людей, не живущих в их «наступившем будущем». Когда такие люди получают возможность принимать политические решения, «цифровое неравенство» проявляет себя: часть населения страны оказывается лишней в том будущем, которое ей предлагается.

— Хорошо, тогда кто оказывается в этом будущем?

— Те, кто называет себя «креативный класс».

— Начнём с того, что концепция креативного класса Ричарда Флориды сама по себе... не очень-то убедительна. Это к вопросу о том, кому может принадлежать власть. Американцы склонны рисовать мишень вокруг уже воткнувшейся стрелы. Вот и понятие «креативного класса» возникает в очень специфической ситуации: это ситуация дефицита производительной деятельности, в которой западное общество оказалось, в целом выполнив проблему индустриализации. Обычному человеку, в общем-то, обидно получать незаработанные деньги, даже когда эти деньги он получает благодаря глобальному геоэкономическому разделению. И вот

тем, кто занят некоей активностью, говорят: вы — креативный класс, и вы получаете свои деньги за свою креативность!

Конечно, у этой концепции есть некоторое содержание, в этом её сила. Но её авторы включают в ряды «креативного класса» кроме учёных, дизайнеров и музейщиков ещё и мальчишек, которые разрисовывают электрички, и блоггеров... Ряды класса получаются очень широкими. Кроме того, назревает чрезвычайно серьёзный вызов для этого сообщества. Это ситуация, в которой многие деятельности могли бы быть востребованы, но они не востребованы, и «креативный класс» поэтому во многом остаётся замкнут на самого себя. А как вы думаете, сколько интеллектуалов необходимо обществу?

обладают знаниями и компетенциями. И этих «всех» общество использовать не может! Это проблема. В СССР её решали, скажем, созданием бесчисленных НИИ, в которых интеллектуалы что-то исследовали, при этом чувствуя себя ненужными и будучи готовыми первыми разрушать ту систему, которая их же и кормила.... Но речь идёт о глобальном перепроизводстве знаний и компетенций. Я думаю, что во всём мире с интеллигенцией происходит то же, что происходило с самураями в Японии после революции Мэйдзи. Это славное в прошлом и уверенное в себе сословие оказалось ненужным, невостребованным в изменившейся ситуации. Их физически перебили, с остатками расправилась Вторая мировая война. Так что

Культура всегда вводится сверху путем насилия,
и если мы преодолели барьер грамотности,
теперь предстоит другой барьер

— **Пожалуй, в пределе все должны быть интеллектуалами, или даже интеллигентами.**

— Проблематика особой миссии интеллектуалов или интеллигентов как особой социальной группы возникла в условиях 19 века. В то время существовал дефицит знаний и компетенций, их получение было сопряжено с большими трудностями и затратами, а в результате было известно, что если у одной страны 300 инженеров, а у второй — 100, первая выиграет войну. В этом соревновании развитые страны — хотя они не более чем опережали других — создали систему образования, благодаря которой уже все

инновационный мир — это такая болезненная, трагическая грань современной цивилизации.

— **Что это за люди — интеллектуалы, поселившиеся в Сети? Предоставляет ли Интернет принципиально новые возможности для этой социальной группы?**

— Первая и основная проблема Интернета — в том, что там нет деятельности, и те, кто там находится, изъяты из деятельности, и существуют в детритной пищевой цепи. Базовый процесс в Сети — информационный обмен — является проявлением квазидеятельности. Оказалось возможным занять ею огромное количество квазиинтеллектуалов. Кто-то пишет

Субъекты будущего

стихотворение, размещает его в Интернет, кто-то другой читает и комментирует... можно насчитать до восьми слоев такой активности. Она не выходит «наружу», она не деятельностна. Развитие такого слоя активностей, который я называю социальной тканью¹ — это реакция Ле-Шателье, с помощью которой общество защищается от избытка интеллектуалов. Я допускаю, что в какой-то исторический момент это «население сети» может решить перебить всех, остающихся вовне, например, чтобы обеспечить себе выживание. Это станет возможным тогда, когда в нашей цивилизации деятельность и коммуникация (пусть и по поводу деятельности) распадутся на две параллельно существующие системы. Кстати, тогда человечество выйдет из теоремы о монополии разума, иначе говоря, мы уже не сможем говорить о том, что единое человечество является единственным носителем разума на планете... Это другая, ещё более интересная проблема. Заметьте, социальная ткань реагирует на любое давление извне как единое целое, это значит, что, раз возникнув, она борется за жизнь и сделать с ней что-либо крайне сложно.

— В критической социологии способность к такому сопротивлению «как единое целое» как правило, оценивается положительно.

— Да, это проявление жизнестойкости. С социальной тканью почти невозможно что-либо сделать. Но я же сейчас занят поисками того, что можно противопоставить

¹ «Итак, мы пришли к гипотезе, согласно которой в настоящее время происходит рождение нового революционного типа со-организованности социальной среды — появляются социоткани. Социоткань представляет собой единое целое, «многоканевый бульон», совокупность деятельностей, включенных в пастбищно-детритные цепи, стремящиеся к замыканию (причём такая цепь полностью располагается внутри социоткани). Социоткани создаются сетевыми сообществами, взаимодействующими между собой... Социоткани гораздо более жизнеспособны, чем все известные до сих пор формы со-организованности антропосред. При этом они практически не способны к развитию. «Личностная составляющая» в социоткани пренебрежимо мала (даже по сравнению с административными и корпоративными структурами). (...) Ткань очень сложно, практически невозможно уничтожить. Если уничтожать отдельные сообщества, это ничего не изменит: просто в ткани появится новый управляющий уровень...»

Сергей Переслегин. Новые карты будущего. М.: АСТ, 2009. с. 360-362.

этому давлению. Я сейчас думаю, что, поскольку в детритных сетях деятельность просто исчезает, мы должны искать выход вовне всей этой системы. Такую возможность открывает, как мне сейчас представляется, стая, которая по принципу должна выходить за пределы системы.

— Тогда, оперируя таким видением будущего, мы должны обсуждать, прежде всего, вопрос о том, как возможно формирование стай? Такая постановка вопроса лежит вне предложенной мной темы «цифрового неравенства» в России, полностью сдвигая координаты дискуссии. Спасибо, это совершенно другой «заход» в тему Интернета, интернетизации и информатизации.

— Беда в том, что у нынешних поколений нет своих братьев Стругацких, поскольку гении рождаются редко. Кто-то должен решать эти вопросы, создавая тексты, значимые для поколений, но сейчас пока я столь же мощных фигур не наблюдаю.

Беседовал Михаил Немцев